

Герой олимпийского дуатлона Александр Легков после Ванкувера практически ничего не говорил о работе федерации, тренерах и подготовке. Спустя две недели в интервью он политкорректно рассказал, что нужно поменять в наших лыжных гонках, чтобы не повторился канадский, практически безмедальный, кошмар.

- Саш, можешь рассказать, как ты попал в больницу?

- Сейчас, погоди, я бумажку достану, на которой мой диагноз написан. Так, вот она, эта бумаженция. «Искривление перегородки с нарушением носового дыхания, вазомоторный ринит и дисфункция слуховой трубки слева».

- Звучит страшно.

- Я в принципе был готов к тому, что у меня какое-то серьезное заболевание, но вот что бы настолько... Потребуется операция... К этому я был не готов. Но к этому, наверное, и нельзя быть готовым.

- Насколько я понимаю, ты не поехал на этап Кубка мира в Лахти как раз, чтобы вылечиться?

- Да, я решил, что так больше нельзя. Я два месяца бегал больным.

- Но тренеры, наверное, были не в восторге от твоего желания остаться дома.

- Я позвонил Юрию Викторовичу (Бородавко, главный тренер мужской сборной России по лыжным гонкам – М.К.) и сказал, что остаюсь дома. Назвал диагноз. Он сказал, что это правильное решение, что я заслужил отдых, и мне нужно лечиться. Поблагодарил за Олимпиаду. Мне кажется, он эти слова говорил искренне.

- Тебя Бородавко отпустил без проблем? Мне, честно говоря, странно это слышать.

– Да, на Олимпиаде ходили разговоры о том, что, кто не захочет поехать на оставшиеся этапы Кубка мира, того отчислят из сборной. Но меня эти разговоры не касались, я думаю. Все понимали, в том числе и тренеры, что мне нужно заняться своим здоровьем, и я, скорее всего, не поеду на заключительные этапы. Иначе все может закончиться плохо.

- Ты так говоришь, как будто у нас в команде все просто замечательно. Со всех сторон ты окружен поддержкой тренеров.

- Не надо ерничать... Я счастлив от того, что я спортсмен, профессиональный лыжник. Конечно, в нашей сборной должно многое поменяться, но сейчас, мне кажется, еще рано

говорить об этом. Нужно дождаться окончания сезона.

- Ты не хочешь говорить о руководстве федерации лыжных гонок. Но что бы ты поменял в нашей сборной? Изнутри, что ли.

- Лично мне хотелось бы, чтобы поменялась наша система подготовки. Чтобы мне не надо было большую часть года на сборах сидеть. Чтобы отношение к спортсменам наконец поменялось. Чтобы в федерации о нас больше думали. Понимаешь, мы все еще тренируемся по старой советской системе. Я готов тренироваться много, но, к сожалению, не всегда выигрывает тот, кто больше всех тренируется. Может, так и было раньше, но сейчас все поменялось.

- Иначе ты бы на Олимпиаде хоть одно золото, но выиграл. Уж прости за горькую иронию.

- Многие могут подумать, что ничего особенного нет в том, что я сказал. Но в наше время огромную роль играют именно те вещи, которым раньше никто особенного значения не придавал.

- А почему им не придавали значения? Дело-то в чем? В деньгах?

- Не только, скорее всего. Хотя было бы здорово, конечно, чтобы в лыжной сборной

работали те же люди, что и в биатлоне. Я не о конкретных людях сейчас говорю, я в принципе говорю. У них и медицина на другом уровне, и организационные вопросы явно не один человек решает.

- У нас всей организацией занимается один человек, главный тренер Юрий Анатольевич Чарковский?

- Да, на нем лежат все функции менеджера. Другого менеджера в нашей сборной нет. Да и не было никогда, наверное. Ты меня спросила, в чем дело, а я задумался. Мне кажется, более профессионального подхода в нашей сборной не хватает.

- Саш, ты не обижайся, но вот то, что ты говоришь, – это скорее общие слова. Нельзя ли поконкретнее?

- Но и ты меня пойми! Я не хочу жаловаться! Мне выдают экипировку – никаких претензий нет. Но вот в том же Куусамо мы все время живем очень далеко от места старта. И там, кажется, мы живем всегда. Сколько я помню. Мы все время ездим по старым местам.

- С Чарковским у тебя нормальные отношения? Просто вспомнила, как после олимпийского дуатлона ты пришел в микст-зону, не мог вымолвить не слова, на тебя было так больно смотреть! И Чарковский растолкал всех журналистов, только чтобы тебя обнять.

- Да, было дело. Юрий Анатольевич считает, что у меня бойцовский характер, поэтому конфликтов особо нет. Я ему благодарен за это.

- А что Логинов, президент федерации лыжных гонок России? Все-таки называть наших лыжников «отработанным материалом» – это, мягко говоря, перебор.

- Ну, а что Логинов? Я звонил ему на днях, спросил, оплатит ли мне федерация операцию.

- Так оплатит?

- Конечно. Он сказал, с этим вообще нет никаких проблем.

- Ты сейчас очень много ходишь на радио и телевидение, но меня не покидает ощущение, что журналисты задают тебе не те вопросы.

- Их, наверное, и вправду не сильно волнуют проблемы нашей федерации. Но мне очень приятно, что меня приглашают. Все вспоминают дуатлон, говорят, что я боролся до последнего, благодарят за доставленные эмоции.

- Спасибо!

- Да не за что (улыбается). И потом, до четверга у меня была масса свободного времени. Такое ощущение, будто я впервые за много лет не тренировался. Мне врачи запретили. Хотя я неплохо себя чувствовал. Когда ехал в больницу, думал, мне скажут: эй, парень, ты идешь на поправку! Вместо этого лор меня осматривает и говорит: эй, парень, какой же ты запущенный! Она измерила давление в ушах, у меня в одном ухе минус семь, а в другом минус сто семьдесят! Сказала, нужно срочно ложиться в больницу. Ну, думаю, на тебе... Добегался.

- И сколько ты там пролежишь, в больнице?

- Послеоперационный период длится семь дней. Так что где-то в среду обещают выписать. Через неделю после операции. И слово-то какое страшное – «операция»! Я как себе представляю... Наркоз — тоже не самая приятная вещь на свете. Я общался с ребятами, у которых была подобная операция. Они говорят, что это больно. Просыпаться после операции с полным носом этих тампонов... Мне Женья Дементьев рассказывал. У него похожая операция была незадолго до Олимпиады в Турине. А потом он взял и выиграл эту Олимпиаду.

- Значит, и тебе надо было оперироваться до Ванкувера.

- Женька за полгода где-то оперировался, а я заболел только в декабре. Я бы не смог так быстро восстановиться, за два месяца.

- Скажи честно, ты переживаешь, что не поехал на заключительные этапы Кубка мира? Ведь, если бы не врачи, ты бы поехал. Больной вдрызг, и все равно бы поехал.

- Честно? Я бы сейчас все отдал, чтобы очутиться на этапах. Я очень хочу бегать. Очень.

Мария КОМАНДНАЯ, www.sports.ru